

Санкт-Петербургский государственный университет

ВОРОБЬЕВА Евгения Олеговна

Выпускная квалификационная работа

Лексико-семантические особенности перевода судебных заседаний

Уровень образования: магистратура

Направление 45.04.02 «Лингвистика

Основная образовательная программа ВМ.5645. «Юридический перевод»

Научный руководитель:
профессор, Кафедра английской
филологии и перевода,
Шадрин Виктор Иванович

Рецензент:
доцент, кафедра
Теории языка и переводоведения
ФГБОУ ВО
«Санкт-Петербургский государственный
экономический университет»
Трошина Александра Валерьевна

Санкт-Петербург
2021

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава I. Теоретические основы перевода судебных заседаний	7
1.1. Судебное заседание как жанр судебного дискурса	7
1.1.1. Понятие дискурса в современной лингвистике	7
1.1.2. Виды дискурса.....	10
1.1.3. Основные характеристики юридического дискурса	12
1.1.4. Судебный дискурс как подвид юридического дискурса	16
1.2. Лингвистические аспекты текстов судебных заседаний	19
1.2.1. Разновидности судебной речи.....	20
1.2.2. Лексико-грамматические особенности судебной речи	21
1.2.3. Стилистические особенности судебной речи.....	24
1.3. Понятия эквивалентности и адекватности в переводе	27
1.4. Модели перевода и переводческие трансформации: определения и классификации.....	29
Выводы по Главе 1	34
Глава 2. Особенности использования переводческих трансформаций при переводе судебных заседаний на русский язык	36
2.1. Лексические и лексико-грамматические трансформации	36
2.1.1. Описательный перевод	36
2.1.2. Транскрипция и транслитерация	41
2.1.3. Конкретизация.....	44
2.1.4. Генерализация	46
2.1.5. Добавление.....	49
2.1.6. Опущение.....	52

2.1.7. Антонимический перевод.....	53
2.2. Грамматические трансформации.....	54
2.2.1. Грамматические замены	54
2.2.2. Изменение порядка слов (инверсия)	56
2.2.3. Парцелляция предложений	59
2.2.4. Интеграция предложений.....	60
Выводы по Главе 2	61
Заключение	63
Библиография	65
Список источников примеров и условные обозначения.....	69

Введение

Работа посвящена анализу переводческих трансформаций при переводе текстов судебных заседаний с английского языка на русский.

Процедура судебного заседания является основным компонентом судебной коммуникации. Являясь языком профессиональной сферы человеческой деятельности, язык судебной коммуникации отражает структуры специального юридического знания, которые являются особым кодом для участников общения и делают возможным эффективное взаимодействие специалистов.

Актуальность работы заключается в том, что изучение текстов судебных заседаний в аспекте межъязыковой коммуникации, а именно в аспекте перевода данного типа текстов, не получило широкую освещенность в работах исследователей, несмотря на большое количество материалов по данной теме и важное значение рассматриваемого типа текстов в жизни общества.

Объектом исследования являются тексты судебных заседаний, а **предметом** – лексико-семантические особенности их перевода с английского языка на русский.

Материалом исследования послужили сцены судебных заседаний из юридических триллеров американского писателя и адвоката Джона Гришэма *A Time to Kill, The Runaway Jury, The Chamber, The Rainmaker, The Last Juror, The Client, Pelican Brief* и их переводы на русский язык, выполненные Ю. Кирьяком, И. Дорониной, М. Тугушевой, Т. Матц, В. Пурескиным. В процессе исследования было отобрано более 200 фрагментов на английском и русском языках, в работе рассмотрено 104 фрагмента (52 пары оригинал-перевод).

Цель исследования заключается в описании и анализе переводческих трансформаций, использованных переводчиками при переводе судебных

заседаний с английского языка на русский, а также в определении степени влияния переводческих трансформаций на адекватность перевода.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Рассмотреть понятие дискурса в современной лингвистике и определить характерные особенности судебного дискурса.
2. Рассмотреть характерные особенности судебного заседания как жанра судебного дискурса.
3. Выявить разновидности судебной речи и описать ее лексические, грамматические и стилистические характеристики.
4. Определить, проанализировать и описать лексико-семантические, грамматические и прагматические особенности перевода текстов судебных заседаний.

Теоретической основой исследования послужили работы В. Н. Комиссарова, В. И. Шадрина, Я. И. Рецкера, И. В. Палашевской, К. А. Устиновой, Т.А. ван Дейка, С. Берк-Селигсон, У. О'Барра, и др.

Работа состоит из введения, двух глав, сопровождаемых выводами, заключения, списка используемой литературы и приложения. Во введении обосновывается актуальность темы, определяется цель и задачи исследования, приводится описание структуры работы.

Первая глава «Теоретические основы перевода судебных заседаний» содержит основные теоретические положения, связанные с понятием дискурса и основного вида дискурса, рассматриваемого в работе – судебного дискурса, а также аспекты теории перевода, необходимые для дальнейшего исследования.

Во второй главе работы проанализированы трансформации и приемы, использованные переводчиками при переводе судебных заседаний с английского языка на русский, а также определено влияние переводческих

трансформаций на адекватность перевода. В заключении подводятся итоги проведенного исследования.

Глава I. Теоретические основы перевода судебных заседаний

1.1. Судебное заседание как жанр судебного дискурса

1.1.1. Понятие дискурса в современной лингвистике

Объектом данного исследования являются сцены судебных заседаний из произведений современной художественной литературы. Судебное заседание представляет собой один из жанров судебного дискурса, как письменного, так и устного. Судебный дискурс, в свою очередь, является подтипом юридического дискурса. Прежде чем анализировать особенности данных видов дискурса, и, следовательно, рассматриваемого нами жанра судебного заседания, представляется целесообразным рассмотреть общее понятие дискурса и виды дискурса, выделяемые современными исследователями.

Дискурс – сложное и многогранное явление, которое занимает одно из главных мест в лингвистике XXI века. Несмотря на большое количество языковедческих исследований, посвященных изучению дискурса, до сих пор остаются актуальными вопросы трактовки и классификации дискурса, а также выделение отдельных его видов.

Исследователь В.Е. Чернявская утверждает, что дискурс – это текст «в неразрывной связи с ситуативным контекстом, определяющим всё то, что существенно для порождения данного высказывания / текста, в связи с системой коммуникативно-прагматических целей автора, взаимодействующего с адресатом. Дискурс характеризует коммуникативный процесс, приводящий к образованию определенной структуры – текста» [Чернявская, 2014: 93].

Становится очевидным разграничение понятий «текст» и «дискурс». Учёный Ричард Брэдфорд определяет разницу между данными понятиями следующим образом: «Discourse is linguistic communication seen as a transaction between speaker and hearer, as an interpersonal activity which is affected, sometimes determined, by its social or cultural purpose. Text is the unit of

communication, the words transmitted from addresser to addressee» [Bradford, 2005: 55]. Анализ текста направлен на внутритекстовые отношения высказываний между собой, взаимоотношения текстового целого и его частей, в то время как анализ дискурса характеризует внешние по отношению к тексту особенности процесса коммуникации [Чернявская, 2014: 93].

Дискурс – это многозначное понятие, которое применяется не только в лингвистике, но и в литературоведении, а также в философии, истории, психологии [Чернявская, 2012: 63].

Междисциплинарный характер понятия «дискурс» нашел отражение в терминологических трактовках [Клюев, 2016: 20]. Авторы «Англо-русского словаря по лингвистике и семиотике» А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский приводят следующие определения термина «discourse»: 1) совокупность тематически, культурно или как-либо еще взаимосвязанных текстов, допускающая развитие и дополнение другими текстами (термин лингвистики текста и дискурс-анализа); 2) общение, рассматриваемое как реализация определенных дискурсивных практик (термин социологии, социальной семиотики и политологии, введенный М. Фуко); 3) вид речевой коммуникации, предполагающей рациональное критическое рассмотрение ценностей, норм и правил социальной жизни и единственным своим мотивом имеющий достижение взаимопонимания (термин логики и философии, введенный Ю. Хабермансом) [Баранов, Добровольский, 2003: 111].

Большое значение для определения понятия дискурс имеют исследования Т. А. ван Дейка. Он рассматривает понятие дискурса в широком и узком смыслах. Дискурс в широком смысле – это коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном или ином контексте. Это коммуникативное действие может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие. Типичные примеры – повседневный разговор с другом, диалог между врачом

и пациентом, чтение газеты. Дискурс в узком смысле – это текст или разговор. Как правило, выделяют только вербальную составляющую коммуникативного действия и говорят о ней в дальнейшем как о “тексте” или “разговоре”. В этом смысле термин “дискурс” обозначает завершенный или продолжающийся “продукт” коммуникативного действия, его письменный или речевой результат, который интерпретируется реципиентами. Таким образом, дискурс – это письменный или речевой вербальный продукт коммуникативного действия. Разница между дискурсом и текстом, согласно Т. А. ван Дейку, состоит в том, что “дискурс” – это актуально произнесенный текст, а “текст” – это абстрактная грамматическая структура произнесенного. Дискурс – это понятие, касающееся речи, актуального речевого действия, тогда как текст – это понятие, касающееся системы языка или формальных лингвистических знаний, лингвистической компетентности [ван Дейк, 1998].

В отечественной лингвистике понятие «дискурс» впервые применили в 1970-е годы в значении, близком к термину «функциональный стиль» [Клюев, 2013, 208]. Одно из первых лингвистических определений понятию дискурса дала Т.Н. Николаева: «Дискурс – многозначный термин лингвистики текста, употребляемый рядом авторов в значениях, почти омонимичных. Важнейшие из них: 1) связный текст; 2) устно-разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 5) речевое произведение как данность письменная или устная» [Николаева, 1978]. Многие годы под термином “дискурс” в лингвистике понимали текст или речь. В конце XX века произ подходов русской лингвистики к трактовкам дискурса, его понимание начало приобретать междисциплинарный всесторонний характер, что отражено Н.Д. Арутюновой в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» [Клюев, 2016: 19].

Согласно Н. Д. Арутюновой, дискурс – это речь «погруженная в жизнь», «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в

событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей» [Арутюнова, 1990].

Таким образом, в настоящем исследовании под дискурсом понимается актуально произнесенный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами, письменный или речевой вербальный продукт коммуникативного действия.

1.1.2. Виды дискурса

Для изучения любого явления необходимо составить его классификацию. Проблема классификации дискурса рассматривается в работах многих исследователей (Карасик В. И., Кашкин В. Б., Т. А. ван Дейк и др.). При этом важно отметить, что каждый исследователь приводит свою классификацию, основанную на критериях, обусловленных личной позицией каждого из них. Рассмотрим некоторые классификации.

Стандартным основанием для классификации является способ передачи информации. В соответствии с данным критерием, дискурс можно разделить на письменный и устный. Однако довольно часто в реальном процессе общения отмечается смешение этих двух типов: участники коммуникации могут передавать друг другу записи, делать заметки [Данилова, 2015: 346]. В таком случае выделяется гибридный вид дискурса [Кашкин, 2004: 20].

Другим критерием классификации дискурса является число участников коммуникации. На этом основании В. Б. Кашкин выделяет следующие виды дискурса: монологический, диалогический и полилогический [Кашкин, 2004: 36-37].

Следующим основанием для классификации является предназначенность дискурса, то есть, то, на кого он ориентирован. Исследователь В. И. Карасик выделяет два вида дискурса: персональный (лично-ориентированный) и институциональный. В первом случае

говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, во втором случае – как представитель определенного социального института. Персональный дискурс существует в двух основных разновидностях: бытовое и бытийное общение. Бытовое общение происходит между хорошо знакомыми людьми, оно сводится к поддержанию контакта и решению повседневных проблем. Его особенность заключается в том, что это общение диалогично по своей сути, участники общения хорошо знают друг друга и поэтому общаются на сокращенной дистанции, не проговаривая детально того, о чем идет речь. Это разговор об очевидном и легко понимаемом. В отличие от бытового в бытийном дискурсе предпринимаются попытки раскрыть свой внутренний мир во всем его богатстве, общение носит развернутый, насыщенный смыслами характер, используются все формы речи на базе литературного языка; бытийное общение преимущественно имеет форму монолога и представлено произведениями художественной литературы и философскими и психологическими текстами [Карасик, 2000].

Институциональный дискурс – это общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений. По словам О.Ф. Русаковой, институциональной коммуникации присуща «устойчивая система статусно-ролевых отношений, сложившаяся в коммуникативном пространстве жизнедеятельности определенного социального института, в рамках которой осуществляются властные функции символического принуждения в форме нормативного предписания и легитимации определенных способов мировидения, мирочувствования, векторов ценностных ориентаций и моделей поведения» [Русакова, 2008: 263]. Применительно к современному обществу можно выделить следующие виды институционального дискурса: политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный. Этот список можно изменить или расширить, поскольку общественные

институты существенно отличаются друг от друга и не могут рассматриваться как одинаковые явления, кроме того, они меняются с течением времени, могут сливаться друг с другом и возникать в качестве разновидностей в рамках того или другого типа. Институциональный дискурс выделяется на основании двух системообразующих признаков: цели и участников общения. Например, целью политического дискурса является завоевание и удержание власти, педагогического дискурса – социализация нового члена общества, медицинского дискурса - оказание квалифицированной помощи больному и т.д. Основными участниками институционального дискурса являются представители института (агенты) и люди, обращающиеся к ним (клиенты) [Карасик, 2000].

Итак, дискурс можно разделить на письменный и устный (в зависимости от канала передачи информации), монологический, диалогический и полилогический (в зависимости от числа участников), персональный (лично-ориентированный) и институциональный (в зависимости от предназначенности дискурса).

1.1.3. Основные характеристики юридического дискурса

Как было отмечено выше, юридический дискурс является разновидностью институционального дискурса. Вслед за И.В. Палашевской, мы будем определять юридический дискурс как «статусно-ориентированное взаимодействие его участников в соответствии с системой ролевых предписаний и норм поведения в определенных правовых ситуациях институционального общения» [Палашевская, 2010: 535].

Институциональный характер юридического дискурса проявляется в подчинении его участников установленным в дискурсивном сообществе правилам, которые определяют, что может и что должно быть сказано, властно навязывают определенную оценочную базу, устанавливают режимы коммуникации. [Крапивкина, Непомилов, 2011]. Участники правовой

коммуникации взаимодействуют в соответствии с системой ролевых предписаний и норм поведения. Как пишет И.В. Палашевская, «между действиями участников юридического дискурса, исходящими из различных правовых инстанций, существует определенная координация, которая позволяет рассматривать их как часть более широкой институциональной системы» [Палашевская, 2008: 263]. Специфика свойств юридического дискурса обусловлена особенностями его функционирования, составом участников и коммуникативными целями.

Исследователи О. А. Крапивкина и Л. А. Непомилов выделяют такие функции юридического дискурса, как прескриптивная, аргументирующая, агитационная и информативная. Прескриптивная, или предписывающая функция реализуется в юридических текстах (например, судебных решениях, законах, постановлениях, указах и др.), которые прямо или косвенно предписывают реципиенту совершить определенные действия или воздержаться от их совершения. Информативная функция представлена в различных юридических сообщениях о каких-либо принятых решениях или происшедших событиях. Аргументирующая функция юридического дискурса характерна для жанров судебного дискурса, центральными из которых являются различные виды жалоб, исковые заявления, отзывы на исковые заявления и, конечно, судебные решения. Коммуникативная цель таких текстов заключается в обосновании той или иной позиции. Декларативная функция представлена в провозглашениях определенных правовых ценностей или идей [Крапивкина, Непомилов, 2011].

Исследовательница И. В. Палашевская выделяет восемь функций юридического дискурса: регулятивную, состоящую в установлении и сохранении норм и ценностей, обеспечивающих взаимодействие между институтом и обществом; перформативную, выраженную в практиках коммуникации, организующих мир права; информативную, состоящую в генерировании, трансляции и ретрансляции смыслов, определяющих

содержание коммуникативных событий в институциональном пространстве; интерпретационную, которая заключается в объяснении смыслов коммуникативных действий участников дискурса и соответствующих правовых текстов (документов); кумулятивную функцию, состоящую в формировании «институциональной памяти»; презентационную функцию, предназначенную для создания имиджа института и его агентов и поддержания авторитета права; стратегическую функцию, которая выражается в выборе нормативно обусловленных стратегий коммуникации для достижения определенных целей, и, наконец, кодовую функцию, состоящую в формировании специального языка, предназначенного для целей и задач институциональной деятельности, а также в установлении границы между агентами (адвокатами, судьями, прокурорами, юрисконсультами) и клиентами дискурса [Палашевская, 2010: 536].

Как отмечалось выше, состав участников общения также является элементом дискурса, ведь именно они порождают текст. Юридический дискурс отличается от остальных видов дискурса большим количеством участников. В целом, участники юридического дискурса – это государство, юридические и физические лица. Государство, в свою очередь, может выступать не только в форме официальных органов, но и в лице представителей общей системы права: нотариус, адвокат, судебный заседатель и т.д. Юридические лица и граждане также могут выступать в разных ролях: сторона договора, истец, ответчик, свидетель, эксперт, специалист и т. д. [Попова, 2016: 26].

Цель юридического дискурса заключается в нормировании и регулировании социальных отношений между индивидами, выполнение ими социальных функций, их позиции в социальной структуре и т.д. Юридический дискурс основан на системе социального контроля, которая создается с помощью иных институтов, например, образования или религии. Право функционирует в поле уже сформированных социальных отношений,

значений и смыслов, используя те из них, которые эффективно используются в качестве инструментов контроля [Кожемякин, 2011: 132].

Юридический дискурс отличается большим количеством архаичных слов (например ‘aforementioned’, ‘hereinafter’, ‘hereinabove’, ‘hereunder’, ‘said’, ‘such’ и т.д.) и биномиальных образований, т. е. двухкомпонентных словосочетаний, зачастую имеющих фразеологическую природу и маркированный порядок следования компонентов (например ‘authorise and direct’, ‘deemed and considered’, ‘final and conclusive’, ‘full and complete’, ‘observe and perform’, ‘release and discharge’, ‘covenants, conditions and terms’ и т.д) [Melnikoff, 1963]. Для синтаксиса юридического дискурса характерными являются объемные сложные предложения, осложненные различными типами придаточных, частым использованием пассивного залога. В частности, пассивные конструкции позволяют спикерам избежать обращения или упоминания конкретного лица, выполняющего действие. Например, предложение ‘*The contract was breached*’ представляет собой констатацию факта и позволяет говорящему не упоминать имя виновной стороны, если это представляется неуместным в рамках коммуникативной ситуации [Сао, 2010:81].

Итак, юридический дискурс отражает статусно-ориентированное взаимодействие его участников в соответствии с системой ролевых предписаний и норм поведения в определенных правом коммуникативных ситуациях. В юридическом дискурсе как коммуникативном событии заключена специфика юридического профессионального мышления, что обуславливает формирование описанных функций. Функционируя в среде права, данный вид дискурса имеет институциональную природу и реализуется как в письменной, так и в устной форме.

1.1.4. Судебный дискурс как подвид юридического дискурса

Современные исследователи рассматривают судебный дискурс как разновидность юридического дискурса. Исследовательница Е. В. Попова понимает под судебным дискурсом коммуникацию в ситуации судебного заседания, представленную в форме монологов, диалогов, а также текстов судебной документации. [Попова, 2016: 165]. Согласно В.И. Карасику, судебный дискурс представляет собой статусноориентированную, институциональную коммуникативную практику решения правовых споров судом, определяемую специфичным набором ролей и событий, особыми нормами взаимодействия в особых контекстуальных границах времени и места [В.И. Карасик, 2004]. И. В. Палашевская отмечает, что судебный дискурс – это «коллективно разделяемая практика утверждения пределов свободы личности» [Палашевская, 2015: 164].

Согласно принятому нами определению дискурса, для определения понятия «судебный дискурс» мы следуем частному определению дискурса, подразумевающему конкретное коммуникативное событие, и понимаем судебный дискурс как речевую и текстовую реализацию юридического дискурса в рамках судебного заседания.

Процедура судебного заседания является основным компонентом судебной коммуникации. Под судебной коммуникацией в общем смысле понимается взаимодействие в ходе судебного разбирательства [Иванов, Лемешко, 2019: 59].

Судебный дискурс разворачивается как наблюдаемое драматическое событие, характеризующееся коммуникативной неоднородностью и стереотипностью, предписываемой процессуальными нормами. Как отмечает голландский исследователь Peter M. Tiersma, “The courtroom gives us legal language in its most dramatic setting” [Tiersma 1999: 145]. Судебный дискурс объединяет в себе настоящее и прошлое, сочетая признаки сценической игры. Поэтому, судебный дискурс – это история людей, которые задействованы в

процессе (подсудимые, свидетели, потерпевшие и др.), история взаимоотношений людей, которые рассказывают о том, что произошло, доказывая свою правоту. Судебное заседание выступает своего рода связывающим звеном коммуникативных поступков участников дискурса [Палашевская, 2015: 165].

Исследователь судебного дискурса И. В. Палашевская представляет структуру юридического дискурса в трех составляющих: правовом сюжете (представлении о юридическом событии), судебной фабуле (изложение события с позиции одной из сторон) и самом тексте участников судебного дискурса (протокол, приговор, жалоба, ходатайство и т.д.). В состязательном судопроизводстве, борьба сторон разворачивается за то или иное юридическое событие, сосредоточиваясь на знаниях о произошедшем. Агенты судебного дискурса рассматривают произошедшее как вариации юридических сюжетов, в силу чего языковая презентация события неизбежно отражает соотношение фактических и юридических оснований [Палашевская, 2015: 167].

Целью судебного дискурса является разрешение правового конфликта в соответствии с действующим законодательством государства, в котором имеет место судебный процесс. В судебном дискурсе взаимодействуют непрофессиональные и профессиональные участники, иными словами граждане, которым присваивается определенный статус (присяжные, подсудимый, свидетель, эксперт) и представители института правосудия, наделенные соответствующими правами [Булахтина: 2018, 33]. Отношения между участниками судебного дискурса, роли и правила поведения каждого участника строго определены нормами института правосудия. Ценности судебного дискурса во многом выражены в его основных концептах: закон, право, правда, справедливость, непоколебимость и истинность закона, справедливость решений, основанных только на законах, истинность [Устинова, 2011: 126].

Наиболее типичной для судебного дискурса обстановкой является зал судебных заседаний, в рамках которого происходит воплощение и реализация судебного дискурса.

Судебный дискурс обладает рядом особенностей и признаков. Согласно приведенной ранее классификации В. И. Карасика, мы можем сделать вывод о том, что судебный дискурс является ярко выраженным типом институционального дискурса. Другой важной характеристикой данного вида дискурса является перформативность [Иванов, Лемешко, 2019: 60]. Ярким примером дискурса являются речи юристов: они прагматичны, социально направлены и погружены в жизнь. Исследователь О. В. Бачалиашвили отмечает, что «юридический дискурс затрагивает чувственную сферу человека и тем самым способен воздействовать на сознание и производить сильное впечатление. Не случайно трансляции судебных заседаний по телевидению, художественные произведения, кино- и телефильмы, основанные на материалах реальных уголовных дел, имеют высокие рейтинги у читателей и зрителей» [Бачалиашвили, 2013: 116].

Исследователь К. А. Устинова выделяет несколько коммуникативных стратегий судебного дискурса: слушание дела, анализ материалов дела, вынесение приговора (судебного решения). Стратегии реализуются в конкретных действиях или задачах, которые можно соотнести с основными этапами судебного заседания: объявление дела, деталей и подробностей; объяснительная речь и опросы истца; исследование дополнительных доказательств (свидетельские показания, письменные и вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи, заключение эксперта); обоснование сторонами правовой и фактической позиции (во время судебных прений); совещание суда по рассматриваемому делу; оглашение судебного решения; составление протокола судебного заседания [Устинова, 2011: 127].

Итак, судебный дискурс – это институциональный подтип юридического дискурса, реализуемый в рамках коммуникативных ситуаций

судебного заседания и характеризуемый перформативностью, коммуникативной неоднородностью и стереотипностью, предписываемой процессуальными нормами. Целью судебного дискурса является разрешение правового конфликта в соответствии с действующим законодательством государства, в котором имеет место судебный процесс.

1.2. Лингвистические аспекты текстов судебных заседаний

В рамках нашего исследования важно подчеркнуть, что судебная речь существенно отличается от других видов публичных выступлений. Речь судебных заседаний – это официальная и профессиональная речь.

Специфика речи судебных заседаний заключается в том, что, с одной стороны, судебная речь относится к жанру публичных выступлений, она произносится на суде и обращена к суду, а также ко всем участникам заседания и присутствующим в зале [Кэюнь 2012: 27]. Судебная речь преследует цель убедить слушающих в истинности взглядов говорящего, т.е. «склонять слушателей присоединиться к своему мнению» [Введенская 2002: 363].

С другой стороны, судебная речь является одним из типов профессиональной коммуникации, «она является обязательным компонентом важнейшей судебной процедуры – судебных прений» [Введенская 2002: 36]. Отбор языковых средств в судебной речи происходит в соответствии с требованиями сферы общественной коммуникации и определяется прежде всего необходимостью решать профессиональные задачи. Таким образом, судебная речь ближе всего к официально-деловой речи, в ней широко используется юридическая терминология и клише [Кэюнь 2012: 27].

1.2.1. Разновидности судебной речи

Жанровое разнообразие судебного дискурса, как и любого другого дискурса, является открытым вопросом в связи с неоднозначностью подходов к определению жанров в современных исследованиях. Основываясь на экстралингвистическом подходе, заключающемся в том, что дискурсы одного жанра имеют общий набор коммуникативных целей, признаваемых дискурсивным сообществом, и лингвистическом подходе, основывающемся на структурном и лексико-грамматическом анализе, исследователь судебного дискурса К. А. Устинова выделяет следующие письменные и устные жанры судебного дискурса.

Письменные жанры:

- протокол судебного заседания,
- ходатайство,
- письменные заявления сторон.

Устные жанры:

- вводная речь судьи,
- судебное решение,
- речь истца,
- речь ответчика,
- речь адвоката,
- речь прокурора.

Последние четыре устных жанра (речь истца, речь ответчика, речь адвоката, речь прокурора) также являются частными случаями жанра «речь участника/представителя судебного процесса» с точки зрения лингвистического подхода, однако представляется логичным все-таки разделить их с экстралингвистических позиций в связи с разными коммуникативными целями [Устинова 2011:127].

1.2.2. Лексико-грамматические особенности судебной речи

Как было отмечено выше, судебный дискурс – это подвид дискурса юридического, следовательно, лексико-грамматические и стилистические особенности этого вида дискурса найдут свое отражение в текстах судебных заседаний.

Лексика юридических текстов подразделяется на лексику правоведения и лексику права [Хижняк 2007: 45]. Основанием для такого деления являются типы текстов, в которых функционирует данная лексика. Лексика правоведения – это лексика правовой доктрины (науки о праве), она носит научный характер, в ее основе лежат термины, обозначающие теоретические понятия, которые, возможно, еще не встречаются в текстах законов и еще не зафиксированы в специальных юридических словарях [Кэюнь 2012: 28].

Лексика права – это слова правоприменительной практики; ее основной массив частично совпадает с лексикой правоведения, в особенности в области терминологии. Отличие лексики права от лексики правоведения заключается в том, что значения слов в ней характеризуются меньшей теоретичностью и абстрактностью, эти слова обозначают сферы, действия, субъекты, объекты, средства и продукты правовой деятельности, т.е. связаны с более конкретными юридическими понятиями. Правовая деятельность как вид общественной деятельности разнородна. Она тесно связана с обыденной жизнью человека, и поэтому лексика права в юридической правоприменительной практике в значительной степени связана с обыденными понятиями. Например, в судебной речи нередко наблюдается субституция юридических терминов, замены их общеупотребительными синонимами (бегство вместо побег, виновный вместо подсудимый или обвиняемый и т.д.). Мы нередко встречаемся с такими многозначными лексическими единицами, как суд, сторона/ы, обвинение, которые употребляются не только в юриспруденции, но и в обыденной жизни. Вследствие многозначности значение таких единиц

толкуется по-разному в зависимости от контекста и ситуации [Кэюнь 2012: 28].

Основываясь на сфере употребления, лексику судебных речей можно разделить на три основных типа:

1) юридические термины, которые в языке имеют только терминологическое значение (истец, прокурор, присяжный заседатель);

2) юридические термины, обладающие как терминологическим, так и неспециальным значениями, которые зависят от контекста (защитник, жертва, обвинение, жалоба);

3) общеупотребительные слова, которые в юридических текстах обозначают понятия, относящиеся к сфере юриспруденции, но не являются ее терминами. Такие слова могут иметь оценочные и эмоциональные коннотации (лжесвидетель, преступник, злоумышленник, исполнитель убийства и др.).

Судебная речь функционирует в суде, ее изложение в письменной форме – один из документов, входящих в судебное дело. В систему лексических единиц судебной речи входят все виды лексики права.

Другой особенностью судебной речи является постоянное использование коммуникативных клише — речевых оборотов, присущих определенному типу дискурса. Коммуникативные клише являются неотъемлемой частью судебной речи, носящей сугубо официальный характер и предусматривающей большое количество формальностей, строгий распорядок действий и непоколебимость представителей института правосудия — в особенности в лице судьи [Устинова 2011: 128].

Судьи постоянно апеллируют к публике, чтобы заручиться поддержкой своей точки зрения, поэтому в их речи часто встречаются конструкции, выражающие условие и причину, с помощью которых судьи делятся с читателем своими мнениями и размышлениями, а также выявляют причинно-следственные связи и обосновывают выводы.

Исследователь судебного перевода, профессор Сьюзан Берк-Селигсон выделяет 9 лексических особенностей судебной речи: 1) использование специальных юридических терминов (например «*distrain*», «*default*»); 2) общеупотребительные слова в своем специальном значении (например «*assignment*» в значении «*the transference of a right, interest or title*», а не в значении «*something assigned, a task or duty*»); 3) использование латинизмов (напр. «*insolvent*»), а также слов французского («*property*») или древнеанглийского («*hereafter*») происхождения; 4) многосложные слова («*collateral*»); 5) сложные конструкции с предложными группами («*in the event of default*» в значении “if”); 6) использование лингвистических дублетов, которые исследовательница определяет как комбинации слов англосаксонского происхождения и слов, пришедших из французского или латинского языков (например «*will and testament*»); 7) использование формальных выражений (например использование “*shall*” вместо “*will*”); 8) отсутствие конкретики (как, например, в фразе «*all the rights and remedies available*»); однако, в то же время, и 9) использование сверхточных выражений и терминов [Berk-Seligson 2017: 53].

Отметим, что перевод юридической лексики в рамках судебного заседания представляет особую сложность ввиду различий в правовых системах. Как отмечает Deborah Cao, проблема эквивалентности терминов является основным источником трудностей при переводе. Анализируя разницу в юридическом языке различных стран, исследовательница отмечает, что юридическая лексика английского языка отличается предельной точностью, в то время как юридическая терминология немецкого языка зачастую характеризуется частным использованием абстрактных имен существительных. Китайский язык юриспруденции, в свою очередь, использует общеупотребительную лексику с частным значением [Cao, 2007:51; Smith, 1999: 179].

1.2.3. Стилистические особенности судебной речи

С точки зрения композиционной организации судебные тексты, сохраняя строгую структурированность, проявляющуюся в постатейном изложении, отличаются высокой логичностью, характерной также для научного стиля изложения. В своем исследовании О. В. Бачалиашвили отмечает, что в англоязычных юридических текстах присутствуют выражения, присущие общенаучному стилю, например *On the contrary,...*; *By contrast,...*; *Thus,...*; *Under this approach,...* и т.д. [Бачалиашвили 2013: 116].

Судьи создают экспрессивные тексты, в значительной степени близкие политическим выступлениям и речам. Яркая оценочная лексика и эпитеты, разговорные обороты, развернутые метафоры, риторические вопросы и прямые обращения в судебных решениях способствуют повышению интереса аудитории, а также активизируют образное восприятие аудиторией высказываемых судьями мыслей [Шейгал 2004: 67]. Считается, что речь судебных заседаний является примером одного из самых экспрессивных использований языка [Wagner, Cheng, 2011: 16]. Как утверждает исследователь W. O'Barr «the law's power manifests itself less in the Supreme Court decisions and legislative pronouncements than in the details of legal practice, in the thousands of mini-dramas re-enacted every day in lawyers' offices, police, stations, and courthouses» [Conley and O'Barr 1998, 2].

Одним из уникальных признаков судебной речи является диалогичность. Диалог представляет собой одно из правил судебного дискурса. Вопросно-ответная форма используется в центральных коммуникативных ситуациях судебного заседания – допросах свидетелей, обвиняемых, истцов и т.д. [Maley 2000: 247]

Этот диалог-допрос ведется между судьей и подсудимым, прокурором и подсудимым, между адвокатом и свидетелем и т.д. Естественный для судебного процесса, такой диалог существенно отличается от бытового или художественного. Признаки, характеризующие судебный диалог, отличаются

от свойств и черт неофициального диалога. Одним из главных отличий является упомянутый выше фактор того, что участники судебного процесса не обладают равным юридическим и социальным статусом. Сама процедура судебного процесса предписывает определенную последовательность следующих друг за другом высказываний [Андрющенко 2005: 25]. Вопросительные высказывания, играющие доминирующую роль в построении диалогического текста, приобретают в рамках судебного дискурса особую функциональную и стилистическую нагрузку. Они подчинены необходимости выяснить все обстоятельства дела, дать им правильную квалификацию, убедить участников процесса в справедливости позиции говорящего. В судебном диалоге участники процесса неравноправны, тема судебного диалога задана предварительно. Все это, естественно, ведет к спецификации судебного диалога, так как заданные параметры и диктуемые ими коммуникативно-прагматические структуры высказываний участников диалога значительно отличаются от обычных реплик неофициального диалога. [Андрющенко 2005: 25]

Заметим, что монологичность также присутствует в судебной речи. В определенные моменты в ходе судебного разбирательства судьи, адвокаты и прокуроры выступают с зачастую объемными речами, которые, согласно процессуальным правилам, не могут прерываться другими участниками дискурса [Atkinson, Drew, 1979].

В ходе судебного разбирательства судьи стремятся вовлечь аудиторию в правовой процесс, сделать ее равноправным участником, сократить дистанцию между институтом права и гражданином. На лексическом уровне данная коммуникативная стратегия реализуется за счет употребления разговорной лексики, на уровне синтаксиса – за счет вопросительных предложений, имитации устной речи, использования упрощенных конструкций, а также интеграции в текст простых и общепонятных примеров из жизни [Бачалиашвили, 2013: 116].

Исследователи сходятся во мнении о том, что для судебной речи характерно сочетание различных стилей. Исследователь W. O'Barr представляет свою концепцию функционирования различных стилей речи в рамках судебного заседания в работе *Linguistic Evidence: Language, Power, and Strategy in the Courtroom*, опубликованной в 1982 году.

O'Barr основал разработанную схему на наблюдениях за судебными заседаниями в суде штата Северная Каролина. Исследователь выделяет четыре стиля и описывает их взаимодействие в рамках судебного заседания. Первый стиль речи (*Formal Legal Language*) наиболее близок к стилю юридической документации. Данный стиль характерен для инструктажей присяжных заседателей, вынесения судебных решений судьей, выступлений адвокатов, вынесения ходатайств и т.д. С лингвистической точки зрения данный стиль отличается большим количеством профессиональной лексики и сложным синтаксисом.

Следующие два используемых стиля судебной речи (*Standard English* и *Colloquial English*) представляют собой стандартные разговорные варианты английского языка с разной степенью официальности. *Standard English* используется большинством образованных свидетелей и юристов. *Colloquial English* представляет собой более неформальную речь с разговорными оборотами, как правило не характерными для официального юридического языка. Автор отмечает, что помимо свидетелей и других участников судебного процесса, не являющихся профессионалами юриспруденции, данный стиль речи используется некоторыми адвокатами для привлечения внимания и демонстрации «индивидуального стиля» поведения в зале суда. К четвертому стилю речи автор относит диалектную речь, а также речь представителей малообразованных слоев населения [O'Barr 1982: 25-26].

Исследователь Сюзан Берк-Селигсон также отмечает, что участники судебных заседаний используют различные стили речи. Приверженность тому или иному стилю речи помогает говорящему манипулировать впечатлениями,

которые создаются о них у других участников заседания. Преднамеренно или случайно участники судебного процесса формулируют свои реплики так, чтобы казаться лучше в глазах судьи и окружающих, а противоположную сторону разбирательства показать в негативном свете.

Таким образом, с помощью различных словесных тактик адвокаты помогают своим свидетелям казаться искренними и грамотными, а свидетелей противоположной стороны – лживыми, ненадежными и, в целом, некомпетентными. Свидетели и подсудимые, напротив, стараются повысить свой авторитет судьей или присяжными с помощью языковых средств [Berk-Seligson 2017: 61].

Итак, каждый персонаж юридического, в частности, судебного, дискурса привносит в него свой речевой стиль, использует свои арсеналы речи. Так, судья использует публицистический, официально-деловой стили, адвокаты – научный, официально-деловой, прокурор – официально-деловой, обвиняемые и свидетели – разговорный и т.д. Результатом сочетания разных стилей речи становится уникальный судебный дискурс, включающий в себя особенности других видов дискурса.

1.3. Понятия эквивалентности и адекватности в переводе

Эквивалентность является одним из центральных понятий современной теории перевода. Однако до настоящего времени объем и содержание понятия «эквивалентность» не определены, его часто смешивают с понятием «адекватность» и употребляют синонимично. Вместе с тем эквивалентность и адекватность не являются равнозначными понятиями. Разграничим эти понятия.

Согласно В. Н. Комиссарову, данные термины не идентичны, но близки. Исследователь утверждает, что понятие «адекватный перевод» шире по своему значению, чем понятие «эквивалентный перевод». Адекватный перевод – это перевод, отвечающий поставленной цели. Стремление

обеспечить адекватность определяет выбор способа перевода, и поэтому понятие «адекватность» относится к процессу перевода, который может осуществляться адекватным способом. «Эквивалентность» относится к результату перевода и означает функциональное соответствие текста перевода тексту оригинала. Поэтому перевод не может осуществляться «эквивалентным способом», но может оказаться эквивалентным как частный результат достижения адекватности перевода определенной цели.

Адекватный перевод – это хороший перевод, так как он полностью обеспечивает коммуникативный акт. Эквивалентный перевод – это перевод, создающий семантическую идентичность исходного и переводного текстов [Шадрин, 2017: 129].

А. Д. Швейцер относит эти два термина к двум различным аспектам перевода: перевод как результат и перевод как процесс. Эквивалентный перевод подразумевается при характеристике его результата (текста перевода), поскольку мы определяем, соответствует ли переводной текст исходному тексту. Адекватность, в свою очередь, характеризует процесс перевода. Переводчик определяет главную функцию текста и решает, чем он может пожертвовать при переводе. Таким образом, по А. Д. Швейцеру, адекватный перевод – перевод, который соответствует коммуникативной ситуации.

Я. И. Рецкер утверждает, что понятие адекватности перевода включает в себя понятие его эквивалентности [Рецкер, 2004]. С его точки зрения, адекватный перевод описывает ту же ситуацию действительности, что и исходный текст, причем он производит на читателя тот же эффект.

Т. А. Казакова определяет переводческую эквивалентность как «реальную смысловую близость текстов оригинала и перевода, достигаемую переводчиком в процессе перевода». [Казакова, 2001]

Переводческая эквивалентность может основываться на сохранении (и соответственно утрате) разных элементов смысла, содержащихся в оригинале. В зависимости от того, какая часть содержания передается в переводе для обеспечения его эквивалентности, различаются различные уровни (типы) эквивалентности. На любом уровне эквивалентности перевод может обеспечивать межъязыковую коммуникацию. [Казакова, 2001]

1.4. Модели перевода и переводческие трансформации: определения и классификации

Попытки осмыслить и структурировать знание о переводческом процессе привели к созданию нескольких моделей перевода. Модель перевода – это условное описание мыслительных операций, совершаемых переводчиком над единицами языка и речи, а также объяснение данных операций.

Наибольшее распространение получили следующие модели перевода: ситуационная (денотативная), трансформационная, семантическая и психолингвистическая.

Важно отметить, что каждая модель характеризует процесс перевода в определенном ракурсе, и поэтому не может полноценно отображать весь процесс перевода. Тем не менее, в совокупности четыре модели создают довольно полную картину переводческого процесса и предоставляют переводчику набор операций для осуществления его деятельности [Шадрин 2017: 251].

Ситуативная (денотативная) модель перевода основана на положении о том, что содержание всех единиц языка отражает предметы, явления, отношения реальной действительности (денотаты). Создаваемые с помощью языка сообщения (отрезки речи) содержат информацию о ситуации, т.е. о некоторой совокупности денотатов, поставленных и определенные отношения друг к другу. Данная модель перевода предполагает в качестве основного

этапа процесса перевода изучение (идентификацию) ситуации исходного языка. Воспринимая текст оригинала, переводчик отождествляет составляющие этот текст единицы с известными ему языковыми единицами языка оригинала и, интерпретируя их значение в контексте, выясняет, какую ситуацию реальной действительности описывает оригинал. После этого переводчик описывает эту ситуацию на языке перевода. Таким образом, процесс перевода осуществляется от текста оригинала к реальной действительности и от нее к тексту перевода [Комиссаров 1990: 158]. Как отмечает В. И. Шадрин, одним из недостатков данной модели является тот факт, что она не объясняет сам механизм перевода. Одна и та же ситуация может быть передана при помощи разных языковых средств, поэтому основание предпочтения одного варианта другому не является понятным [Шадрин 2017: 253].

Попытку объяснить, каким образом происходит выбор синтаксических структур в переводе, предпринимает трансформационная модель перевода. Она основывается на положениях трансформационной грамматики, которая постулирует существование в языке рядов взаимосвязанных синтаксических структур. Трансформация есть преобразование одной языковой формы в другую. Трансформационная модель устанавливает соответствия лишь между синтаксическими структурами оригинала и перевода [Комиссаров 1990].

В определенной степени ее дополняет семантическая модель перевода, которая представляет процесс перевода как идентификацию и сохранение релевантных сем оригинала. В рамках данной модели перевод – это выражение значения исходного текста языковыми средствами переводного текста. В основе этой модели лежит попытка распространить на перевод применяемую в лингвистике процедуру компонентного (семного) анализа, позволяющую разбивать значения языковых единиц на более мелкие элементарные. Для моделирования переводческого процесса могут быть использованы положения психолингвистики о структуре речевой деятельности.

Психолингвистическая модель перевода рассматривает перевод в качестве речевого акта (речевого события) [Шадрин 2017: 256].

Подобные модели перевода представляют процесс перевода в общей форме в виде ряда последовательных операций. Другой способ описания переводческого процесса заключается в попытке обнаружить более конкретные операции, с помощью которых переводчик может осуществлять переход от оригинала к переводу. Предполагается, что отношение между отрезком оригинала и соответствующим отрезком перевода можно представить как преобразование (трансформацию) первого во второй по определенным правилам. Подобные переводческие трансформации могут рассматриваться как приемы перевода, которые переводчик использует для преодоления типичных трудностей [Комиссаров 1990].

Ученые не пришли к единой классификации переводческих трансформаций. Так, например, Л. С. Бархударов представляет следующие четыре вида переводческих трансформаций: перестановки, замены добавления и опущения [Бархударов 1975: 10]. Я.И. Рецкер выделяет два вида трансформаций – лексические и грамматические. Согласно ученому, существует семь видов лексических преобразований: дифференциация, конкретизация, генерализация, компенсация, смысловое развитие, антонимический перевод и целостное преобразование. К грамматическим трансформациям относятся изменение порядка слов, изменение структуры предложения (полное и частичное), а также замена частей речи и членов предложения. [Рецкер, 2010, 157]

В данном исследовании мы будем придерживаться классификации трансформаций, представленной В. Н. Комиссаровым. Согласно В. Н. Комиссарову, переводческие трансформации подразделяются на лексические и грамматические. Кроме того, существуют также комплексные лексико-грамматические трансформации, где преобразования либо затрагивают одновременно лексические и грамматические единицы оригинала, либо

являются межуровневыми, т.е. осуществляют переход от лексических единиц к грамматическим и наоборот.[Комиссаров, 1990: 172]

Лексические трансформации описывают формальные и содержательные отношения между словами и словосочетаниями в оригинале и переводе. Среди формальных преобразований основными приемами перевода являются переводческая транскрипция/транслитерация и переводческое калькирование.

Следующую группу лексических трансформаций составляют лексико-семантические замены, применение которых связано с модификацией значений лексических единиц. К основным приемам этой группы относятся конкретизация, генерализация и модуляция.

Прием смысловой конкретизации заключается в том, что переводчик выбирает для перевода в оригинале слово с более узким значением в переводящем языке. Прием генерализации подразумевает замену слова с более узким значением на слово более широкой семантики [Шадрин 2017: 144]. Модуляцией или смысловым развитием называется замена слова или словосочетания исходного языка единицей языка перевода, значение которой логически выводится из значения исходной единицы [Комиссаров 1990].

Рассмотрим грамматические трансформации. Среди них наиболее частыми приемами являются грамматическая субституция, парцелляция и интеграция предложений, а также грамматическая компенсация.

Во многих случаях переход от оригинала к переводу осуществляется с помощью различных грамматических замен, что подразумевает отказ от использования в переводе аналогичных грамматических форм. Замене может подвергаться грамматическая категория, часть речи, член предложения, предложение определенного типа [Комиссаров 1990: 219].

Особую группу переводческих трансформаций составляют приемы перевода, с помощью которых преобразуется и лексика, и синтаксические структуры оригинала. Наиболее распространенными лексико-

грамматическими трансформациями являются прием антонимического перевода, прием описательного перевода и прием компенсации. Антонимический перевод – это лексико-грамматическая трансформация, при которой замена утвердительной формы в оригинале на отрицательную форму в переводе или, наоборот, отрицательной на утвердительную сопровождается заменой лексической единицы исходного языка на единицу языка перевода с противоположным значением [Комиссаров 1990: 223]. Описательный перевод — это лексико-грамматическая трансформация, при которой лексическая единица исходного языка заменяется словосочетанием, раскрывающим ее значение. Компенсация — это сознательное включение в перевод дополнительной информации с целью восполнения утраты подобной информации исходного текста в процессе перевода [Шадрин 2017: 145].

Выводы по Главе 1

1. Судебное заседание представляет собой один из жанров судебного дискурса, как письменного, так и устного. Судебный дискурс, в свою очередь, является подвидом юридического дискурса. Дискурс – это актуально произнесенный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами, письменный или речевой продукт коммуникативного действия. Под юридическим дискурсом мы понимаем «статусно-ориентированное взаимодействие его участников в соответствии с системой ролевых предписаний и норм поведения в определенных правом ситуациях институционального общения».
2. Судебный дискурс – это институциональный подтип юридического дискурса, реализуемый в рамках коммуникативных ситуаций судебного заседания и характеризуемый коммуникативной неоднородностью и стереотипностью, предписываемой процессуальными нормами. Целью судебного дискурса является разрешение правового конфликта в соответствии с действующим законодательством государства, в котором проходит судебный процесс.
3. Судебная речь функционирует в суде, ее изложение в письменной форме – один из документов, входящих в судебное дело. В систему лексических единиц судебной речи входят все виды лексики права. Другой особенностью судебной речи является постоянное использование клише. С точки зрения композиционной организации судебные тексты, сохраняя строгую структурированность, отличаются высокой логичностью, характерной также для научного стиля изложения.
4. Переводческие трансформации – это приемы, которые переводчик использует для преодоления типичных трудностей в процессе работы над текстом. В зависимости от характера преобразований переводческие трансформации подразделяются на лексические (напр. конкретизация, генерализация и модуляция), грамматические (напр. парцелляция,

интеграция и грамматические субституции), и лексико-грамматические (например антонимический перевод, описательный перевод и прием компенсации).

5. Адекватный перевод – перевод, который соответствует коммуникативной ситуации. Стремление обеспечить адекватность определяет выбор способа перевода, и поэтому понятие «адекватность» относится к процессу перевода, который может осуществляться адекватным способом. «Эквивалентность» относится к результату перевода и означает функциональное соответствие текста перевода тексту оригинала. Поэтому перевод не может осуществляться «эквивалентным способом», но может оказаться эквивалентным как частный результат достижения адекватности перевода.

Глава 2. Особенности использования переводческих трансформаций при переводе судебных заседаний на русский язык

2.1. Лексические и лексико-грамматические трансформации

2.1.1. Описательный перевод

Прием экспликации (или описательного перевода) часто используется для передачи единиц одного языка, которые не имеют эквивалентов в другом. Данная трансформация будет особенно характерна для перевода реалий юридического дискурса с английского языка на русский по причине множества различий между российской и англосаксонской правовыми системами. Обратимся к сценам судебных заседаний, представленным в романе Дж. Гришэма “A Time to Kill”, а также к их переводу, выполненному Ю. Кирьяком.

(1) I have copies of affidavits sworn to by Sheriff Walls charging both defendants with rape of a female under the age of twelve, kidnapping, and aggravated assault. (Time)

Суд располагает копиями свидетельских показаний шерифа Уоллса, данных им под присягой. В показаниях содержатся обвинения присутствующих здесь Кобба и Уилларда в изнасиловании девочки, не достигшей двенадцатилетнего возраста, в киднепинге, а также в нанесении телесных повреждений.

Понятие “affidavit” используется в правовой системе США и Великобритании. Оно означает письменное показание или заявление, даваемое под присягой и удостоверяемое нотариусом или другим уполномоченным должностным лицом при невозможности личной явки свидетеля. В русском языке существует понятие «аффидевит», однако оно практически не используется непрофессионалами. Выбор именно такой трансформации переводчиком в данном случае оправдан тем, что перевод романа предназначен для широкого круга читателей, которому, возможно,

данный термин будет не понятен. Тем не менее, следует отметить, что при переводе в реальных условиях судебного заседания переводчику следует прибегнуть к буквальному переводу данного термина, чтобы избежать искажений или неточностей.

Рассмотрим следующий пример:

(2) *This is a **bail hearing**," he declared loudly, "and I don't intend for it to last long. " (Time)*

Это слушание по вопросу об освобождении до суда под залог, – громогласно объявил судья. – Я надеюсь, оно не займет у нас слишком много времени.

В русскоязычной юридической практике не существует термина, который бы в полной мере передавал значение понятия “bail hearing”. “Bail hearing” представляет собой судебное заседание, в ходе которого судья решает, можно ли отпустить обвиняемого под залог на период судебного разбирательства, а также устанавливает размер и сроки внесения такого залога. Для правильного восприятия смысла фразы переводчик использует описательный перевод.

Обратимся к примеру 3.

(3) *"Your Honor, please, I know **hearsay** is admissible in a hearing like this, but this is triple hearsay." (Time)*

*«Прошу вас, ваша честь, мне известно, что на таких слушаниях допускаются **показания с чужих слов**, но в данном случае мы имеем дело с тройным пересказом».*

В юриспруденции термин “hearsay” обозначает показания свидетеля под присягой, содержание которых предлагается для доказательства истинности заявленного вопроса. Переводчик удачно использует экспликацию для передачи значения термина. Интересный вариант перевода рассматриваемого термина представлен в следующем примере:

(4) “*Your Honor, I object to this witness testifying to anything the victim said. It's clearly hearsay.*” (LJ)

Ваша честь, протестую. Это показание с чужих слов. Явный домысел.

Переводчик прибегает к более компактной конструкции простых предложений и представляет сразу два варианта перевода термина.

Обратимся к следующему фрагменту из романа *The Runaway Jury* («Вердикт» - пер. И. Я. Дорониной).

(5) *Now, I have two choices. I can declare a mistrial, or I can sequester the jury. I'm inclined to pursue the latter, as distasteful as it will be. Mr. Rohr?*” (RJ)

У меня есть два выхода. Я могу объявить суд не состоявшимся из-за процедурных нарушений и могу секвестровать, то есть изолировать, жюри. Я склоняюсь ко второму решению, как это ни ужасно. Мистер Рор?

Для перевода термина *mistrial* в данном фрагменте переводчик использует развернутое описание – «суд, не состоявшийся из-за процедурных нарушений». В англоязычной юридической практике данный термин обозначает судебный процесс, который не может быть завершен или результат которого не имеет юридической ценности, как правило, в связи с допущенной юридической ошибкой. В связи с отсутствием эквивалента в языке перевода, использование экспликации для перевода данного понятия представляется единственно правильным.

В данном примере мы также можем отметить экспликацию в виде уточняющего перевода: *to sequester the jury* - *секвестровать, то есть изолировать, жюри*. Секвестр присяжных – это характерная для рассматриваемой правовой системы мера безопасности, которая предполагает полную изоляцию присяжных либо на весь срок судебного процесса, либо на время вынесения приговора. Как правило, во время судебного разбирательства стандартные меры безопасности (запрет на фотосъемку присяжных, на

публикацию их имен и адресов, соблюдение тайны совещательной комнаты) являются достаточными. Однако в случае необходимости суд может объявить "секвестр" — присяжных заселяют в специально снятых для этого гостиничных номерах, и любую связь с внешним миром они поддерживают только через судебных приставов. "Секвестр присяжных" применяется в случае чрезвычайных обстоятельств и почти исключительно при рассмотрении дел о намеренном убийстве. Термин «секвестр» является узконаправленным и характерным для профессиональной сферы. Поскольку рассматриваемая реплика принадлежит судье, переводчик удачно использует уточнение, которое позволяет сохранить характерный стиль профессиональной речи и избежать возможного недопонимания со стороны читателя.

Рассмотренный ранее перевод понятия "*mistrial*" также встречается в следующем фрагменте:

(6) "*Uh, gee, Judge, we'd sure hate to see a **mistrial**. I mean, I'm certain that we've done nothing wrong.*" (RJ)

«Гм, видите ли, Ваша честь, нам, конечно, очень не хотелось бы, чтобы процесс был преждевременно закрыт. Я хочу сказать, я уверен, что наша сторона ни в чем не виновата.»

Как можно заметить, переводчик прибегает к иной конструкции, которая, тем не менее, так же точно отражает значение термина, как и рассмотренная в примере 4. В связи с тем, что данные фразы являются частью одного диалога, вероятнее всего, переводчик выбрал данный вариант во избежание повтора и для придания речи большей естественности.

(7) "*The **plaintiff rests**,*" Rohr announced after he'd seated Celeste at the table. (RJ)

«Обвинение закончило вызов свидетелей», — объявил Пор, усадив Селесту за стол.

В юридическом английском языке глагол “to rest” приобретает значение «завершить/закончить процедуру во время суда». Данная фраза представляет собой клише. Поскольку устоявшегося перевода данного клише в русском языке нет, переводчик прибегает к экспликации, которая не искажает смысл высказывания и соответствует стилю речи судебного заседания.

Рассмотрим следующий пример из романа *The Runaway Jury*:

(8) "*Are you hinting at a defense of insanity?*" (RJ)

- Вы будете настаивать на том, что ваш **подзащитный действовал в невменяемом состоянии?**

Defence of insanity – это одна из возможных стратегий защиты обвиняемого в уголовном праве. В рамках этой стратегии адвокат должен доказать, что в момент совершения преступления подсудимый не мог контролировать свои действия в связи с приступом эпизодического или хронического расстройства психики. Если адвокат сумеет доказать наличие психического заболевания у подсудимого в момент совершения деяния, он будет оправдан. В русском языке данный термин соответствует понятию «невменяемость», т.е. состояние, в котором лицо не может осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо контролировать их вследствие психического заболевания или иного болезненного состояния психики. Уголовное право РФ также предполагает возможность освобождения подсудимого от ответственности в случае доказанной невменяемости. Описательный перевод, примененный переводчиком в указанном выше примере, в полной мере отражает значение понятия, использованного в оригинале. Тем не менее, отметим, что в примере 9 переводчик мог бы использовать более компактную конструкцию, например «...защита его будет строиться со ссылкой на невменяемость в момент преступления» или ««...защита его будет строиться на доказательстве невменяемости в момент преступления». :

(9) *"The defendant has filed the proper notice that he intends to use **an insanity defense.**"(Time)*

«Обвиняемый должным образом поставил нас в известность о том, что защита его будет строиться исходя из того факта, что в момент совершения убийства он находился в неменяемом состоянии».

2.1.2. Транскрипция и транслитерация

Транскрипция и транслитерация – это приемы, которые заключаются в переводе единицы оригинала путем передачи ее буквенной формы с помощью букв языка перевода. При транскрипции воспроизводится звуковая форма переводимого слова, а при транслитерации – его графическая форма (т. е. буквенный состав). Рассмотрим, как данные приемы используются при переводе сцен судебных заседаний анализируемых произведений.

(10) *I have copies of affidavits sworn to by Sheriff Walls charging both defendants with rape of a female under the age of twelve, **kidnapping**, and aggravated assault. (Time)*

*Суд располагает копиями свидетельских показаний шерифа Уоллса, данных им под присягой. В показаниях содержатся обвинения присутствующих здесь Кобба и Уилларда в изнасиловании девочки, не достигшей двенадцатилетнего возраста, в **киднеппинге**, а также в нанесении телесных повреждений.*

В примере 7 переводчик использует транскрипцию для передачи термина «kidnapping». В данном случае эта трансформация является совершенно необоснованной ввиду того, что в русском языке присутствует устоявшийся эквивалент данного термина – «похищение человека». Не отрицаем, что понятие киднеппинг действительно существует в русском языке, однако оно не будет понятно рядовому читателю, не владеющему английским языком. Более того, всех правовых и законодательных документах РФ, включая Уголовный кодекс, используется термин «похищение человека» для

обозначения его незаконного захвата, перемещения и последующего удержания. К сожалению, данный перевод не является случайным опущением переводчика и встречается на протяжении всего произведения (примеры 11 и 12):

*(11) They could conceivably be paroled in thirteen years. Seven for the rape, three for the **kidnapping**, and three for the aggravated assault. (Time)*

*В общем-то они могут быть условно освобождены через тринадцать лет. Семь лет за изнасилование, три года за **киднеппинг** и три года за нанесение телесных повреждений.*

*(12) The grand jury will be asked next Monday to indict the two defendants for rape, **kidnapping**, and aggravated assault. (Time)*

*В следующий понедельник жюри присяжных предстоит вынести свое решение по делу Кобба и Уилларда, обвиняемых в изнасиловании, **киднеппинге** и нанесении тяжких телесных повреждений.*

Рассмотрим примеры транскрипции из романа *The Runaway Jury*:

*(13) "You are excused, Mrs. Cobb," Noose said. "**Bailiff**, please assist the witness." (RJ)*

Вы свободны, миссис Кобб. Бейлифф, помогите свидетелю.

Термин “bailiff” в английском языке является многозначным. В правовой системе Великобритании и США этим понятием обозначается судебный пристав-исполнитель – должностное лицо, осуществляющее функции по принудительному исполнению судебных решений, которая заключается во взыскании денежных сумм. В США данный термин также используется для обозначения должностного лица, которое следит за порядком проведения судебного заседания. Это может быть служащий правоохранительных органов, например помощник шерифа или другой сотрудник суда. В приведенном выше примере термин “bailiff” предстает именно в этом

значении. Использование транскрипции переводчиком представляется спорным: с одной стороны, в русскоязычном праве нет эквивалента термину *bailiff* в таком значении, с другой - само по себе слово «бейлиф» в русском языке в полной мере не передает значение термина, не используется в российской юридической практике и вряд ли будет понятно читателю-неспециалисту. Представляется, что более эффективной при переводе данного термина трансформацией будет опущение и использование имени служащего. Такую переводческую тактику переводчик использует далее в произведении:

(14) *"Very well. **Bailiff**, would you bring in juror number one, Carlene Malone."* (RJ)

*Хорошо. **Пейт**, будьте добры, пригласите к нам номер первый, миссис Карлен Мэлоун.*

Если имя служащего неизвестно, подходящей трансформацией для перевода может быть экспликация или переводческое уточнение к термину бейлиф.

Обратимся к следующему примеру:

(15) *Now, ladies and gentlemen of the jury. I'm about to ask you a series of questions, very important questions, and I want you to respond if you feel the slightest need to.* (RJ)

*Итак, дамы и господа — **члены жюри**, я задам вам ряд вопросов, очень важных вопросов, и хочу, чтобы вы ответили на них максимально ответственно.*

Привлечение присяжных заседателей для вынесения вердикта – широко распространенная практика судебной системы США. В России суд присяжных используется довольно редко, как правило, решение о виновности или невиновности подсудимого выносит только судья. Перевод термина “jury” словом «жюри» представляется некорректным, поскольку слово жюри в

русском языке вызывает определенные ассоциации – как правило, оно используется для обозначения членов жюри различных конкурсов или соревнований. В данном случае переводчику следовало бы использовать перевод «присяжные заседатели» или «жюри присяжных». Несмотря на то, что данное упущение встречается в тексте довольно часто, переводчик также прибегает к более корректному на наш взгляд варианту перевода, например:

*(16) We, **the jury**, find for the plaintiff, Celeste Wood, and award compensatory damages in the amount of two million dollars. (RJ)*

*Мы, **жюри присяжных**, решили дело в пользу истицы, Селесты Вуд, и присуждаем ей компенсацию материального ущерба в размере двух миллионов долларов.*

Итак, транскрипция и транслитерация не всегда являются эффективными переводческими трансформациями и являются необоснованными в случаях, когда в русском языке присутствуют устоявшиеся эквиваленты переводимых терминов. Удачными тактиками перевода может стать описательный перевод или опущение.

2.1.3. Конкретизация

Как отмечалось ранее, конкретизация – это переводческая трансформация, при которой осуществляется замена слова или словосочетания исходного языка с более широким значением на слово или словосочетание языка перевода с более узким значением. Рассмотрим пример конкретизации из сцены допроса свидетелей в романе *The Runaway Jury*:

*(17) “Thank you, ladies and gentlemen. Now we **will continue** with Dr. Milton Fricke.”(RJ)*

— *Итак, дамы и господа, **вернемся к показаниям** доктора Милтона Фрике.*

Переводчик использует конкретизацию для уточнения значения глагола *continue*, который в данном случае не позволяет передать точное значение действия.

Обратимся к следующему примеру:

(18) “Under oath, you're **telling** this jury you didn't rape and murder Rhoda Kassellaw?” (LJ)

— Будучи под присягой, вы **клянетесь** перед лицом суда, что не насильствовали и не убивали Роду Кассело?

При рассмотрении данного примера возникает вопрос: почему стилистически нейтральный глагол *tell* переводится стилистически окрашенной фразой «клянетесь перед лицом суда», учитывая, что информация о том, что обвиняемый несет ответственность перед судом уже отражена в части «будучи под присягой». Вероятно, переводчик хотел добавить экспрессии в речь окружного прокурора, который произносит данную реплику, что вполне справедливо для художественного текста, однако не является уместным в рамках реального судебного заседания. Заметим, что сам автор с осторожностью относится к эмоционально окрашенным высказываниям в тексте: многие адвокаты и судьи романов Гришэма сдержанны и редко проявляют эмоции во время судебного заседания, что соответствует особенностям судебного дискурса. Все переживания героев отражены во внутренних монологах.

Конкретизация используется переводчиками для передачи идиоматических выражений. Рассмотрим пример из романа *The Chamber*:

(19) “I understand that. You're asking us to strike down the gas chamber as a method. What happens if we do? What happens to your client and those like him who were convicted prior to 1984? **Do they fall through the cracks?**” (Chamber)

- Понимаю. Вы просите нас отказаться от газовой камеры как способа казни. Что произойдет, если мы ответим согласием? Что будет с вашим клиентом и другими, приговоренными еще до восьмидесяти четвертого года? **Не избегнут ли они правосудия?**

Идиома *to fall through the cracks* имеет значение «остаться незамеченным» или «ускользнуть от внимания». Однако в данном случае переводчик выбирает конкретизацию, которая крайне точно передает смысл фразы.

2.1.4. Генерализация

Генерализация – это лексико-семантическая трансформация, при единица исходного языка с узким значением заменяется единицей языка перевода с более широким значением. Обратимся к примерам.

(20) *Bullard shouted, "You may **cross-examine**, Mr. Tyndale."* (Time)

Можете задавать свои вопросы, мистер Тиндэйл, — прокричал Буллард.

Понятие *cross-examination* переводится как «перекрестный допрос» — вид допроса свидетеля в суде, в ходе которого вопросы свидетелю могут задаваться любой стороной, участвующей в деле. Перекрестный допрос проводится после основного допроса, в ходе которого вопросы имеет право задавать только ограниченное число участников процесса. Переводчик опускает одну из частей термина, однако в рамках художественного произведения данный вариант перевода не препятствует правильному восприятию смысла.

Рассмотрим следующий пример из романа *The Chamber*:

(21) *"These are **attorneys from my criminal appeals division**. Kevin Laird, Bart Moody, Morris Henry, Hugh Simms, and Joseph Ely. **These guys** handle all death penalty cases."* (Chamber)

*“Мои **сотрудники**. Кевин Лэйрд, Барт Моуди, Моррис Хэнри, Хью Симмс, Джозеф Элли. Все - **опытные юристы**, работают с апелляциями по смертным приговорам.”*

В данном фрагменте переводчик использует сразу несколько трансформаций. Во-первых, для перевода *attorneys from my criminal appeals division* переводчик использует генерализацию, называя юристов общим понятием – «сотрудниками». Отметим, что указанные персонажи являются подчиненными генерального прокурора, которому принадлежит данная реплика. В следующем предложении переводчик использует добавление «опытные юристы», чтобы компенсировать упущенную в связи с применением генерализации информацию предыдущего предложения.

Рассмотрим следующий пример:

(22) “*Is he aware **he is about to be executed**?*” Nugent burst into laughter.
“*What kind of question is that?*” (Chamber)

- Он понимал, **что ему предстоит**? Полковник расхохотался.

- Ну и вопрос!

Переводчик опускает деталь о том, что подсудимого ждет смертная казнь. Опускание не влияет на понимание диалога читателем, поскольку информация о смертном приговоре упоминалась ранее. Тем не менее, варианты полного перевода фразы, например «Он понимает, что ему предстоит смертная казнь?» или «Он понимает, что его ждет смертная казнь?» также представляются корректными.

Обратимся к примеру из романа *The Chamber*:

(23) “*Who are the **judges**?*”

“*McNeely, Robichaux, and Judy.*” (Chamber)

- Кто входит в **триумвират**?

- Макнили, Робишоу и Джудди.

Согласно толковому словарю Ушакова, *триумвират* – это форма управления государством в древнем Риме, политическое соглашение между

тремя лицами с целью раздела власти (напр. Первый триумвират – союз Цезаря, Помпея и Красса). Очевидно, что в данном контексте слово употреблено в переносном значении для обозначения союза трех лиц, объединившихся для совместной деятельности. Тем не менее, возникает вопрос об обоснованности использования данного варианта перевода с точки зрения стилистики. На наш взгляд, более корректным переводом может стать фраза – «Кто из судей участвует в процессе?».

Рассмотрим следующие примеры:

(24) "*He should be **admonished**, Your Honor!*" (Time)

- Его следует **предупредить**, ваша честь!

(25) "*Admonish him, Judge! He must be **admonished!***"

Предупредите его, судья! Он должен быть **предупрежден**.

В контексте судебного заседания глагол “to admonish” переводится как «выносить выговор» или «сделать замечание» участнику процесса, который нарушает порядок в зале суда или ведет себя неподобающим образом. Глагол «предупредить» имеет более общее значение и не позволяет в полной мере передать смысл фразы. Вероятно, у читателя возникнет вопрос, о чем судье следует предупредить адвоката или какого предупреждения требует прокурор.

Обратимся к примеру 26:

(26) "*Are you a lawyer?*" he asks.

*"Well, I just **passed the bar.**"* (Rainmaker)

— А вы адвокат?

— Э... я только что сдал экзамен.

Чтобы получить разрешение на ведение адвокатской практики, американские студенты сдают bar examination – объемный экзамен, который проводится в несколько этапов в течение 2-4 дней. Успешная сдача экзамена

дает право заниматься частной юридической практикой. На русский язык термин *bar examination* можно перевести как “квалификационный экзамен для приема в адвокатуру», однако данная конструкция является довольно объемной. Для поступления в коллегии адвокатов в России кандидатам также необходимо сдать специальный экзамен, поэтому данное явление знакомо русскоязычному читателю. Из контекста читателю становится понятно, о каком экзамене говорит герой романа, поэтому генерализация в данном фрагменте позволяет переводчику избежать необоснованного повтора, не искажая смысл высказывания.

2.1.5. Добавление

Прием добавления применяется для выражения с помощью дополнительных лексических единиц элементов смысла, остающихся в оригинале невыраженными или подразумеваемыми. Отметим, что прием добавления часто встречается при переводе глаголов. В следующих примерах значение глагола *proceed* – *приступить/продолжить* передается при помощи добавления:

(27) "*Very well. I have reviewed the petition, and I am ready to proceed.*
(Client)

Прекрасно. Я просмотрел заявление и готов начать слушание.

(28) "*Mr. Brigance, you've asked for a change of venue. It's your motion. You may proceed.*" (Time)

- *Мистер Брайгенс, вы хотели сменить место проведения процесса. Так написано в вашем заявлении. Можете приступить к изложению своих соображений.*

Рассмотрим следующий пример:

(29) *"This is the second time," the judge says, glaring at Cliff. "Why don't you divorce her before you kill her?" "We're **trying to get some help**, Your Honor," Cliff says in a pitifully rehearsed voice. (Rainmaker)*

— *И это уже во второй раз, — говорит судья, сверкая глазами на Клиффа. — Почему бы вам не развестись с ней, прежде чем вы ее совсем не убили?— Мы с помощью социальной службы стараемся наладить отношения, ваша честь, — произносит Клифф отрететированным жалобным тоном.*

В данном примере мы наблюдаем сразу две переводческие трансформации. Во-первых, переводчик использует добавление и уточняет, каким образом говорящий пытается получить помощь (*с помощью социальной службы*). Обращение в социальные службы является распространенной практикой во время бракоразводного процесса, о котором идет речь во фрагменте, поэтому данное добавление является вполне оправданным. Однако более важной для передачи смысла высказывания трансформацией является конкретизация единицы *are trying* - *стараемся наладить отношения*. Дословный перевод рассматриваемой реплики не произвел бы нужного коммуникативного эффекта.

Обратимся к примеру:

(30) *"Now at this time we are ready to start the trial. The first order of business is to allow **the attorneys** to make opening statements. I want to caution you that nothing the attorneys say is testimony and is not to be taken as evidence. Mr. Buckley, do you wish to make an opening statement?" (Time)*

*В таком случае мы можем приступать. Прежде всего мы должны будем заслушать вступительное слово **каждого из наших юристов, то есть***

прокурора и адвоката. Предупреждаю вас, что все произносимое ими не является свидетельскими показаниями и не может рассматриваться в качестве доказательств. Мистер Бакли, может быть, вы начнете первым?

В правовой системе США стороны обвинения и защиты, участвующие в судебном процессе, называются “state attorney” и “defence attorney”. Часто две стороны называют собирательно – “the attorneys”. Термин “attorney” с английского языка переводится как “адвокат” или “поверенный”, поэтому использование при переводе этого варианта исказило бы смысл фразы, ведь в правовой системе РФ сторону защиты представляет прокурор, а сторону обвинения – адвокат. Добавление, сделанное переводчиком в данном фрагменте, позволяет правильно передать смысл высказывания – оно разграничивает два разных понятия в соответствии с реалиями уголовного процесса в России.

Обратимся к примеру:

*(31) “State your name **for the record**,” Slattery said. (Chamber)*

- Ваше имя? - обратился к новому свидетелю Слэттери.

В ходе каждого судебного заседания, как в РФ, так и в США, ведется протокол. Перед допросом свидетеля он должен произнести свое имя. Переводчик опускает данную деталь, однако она не искажает смысл фразы.

Рассмотрим еще один пример из романа A Time to Kill

*(32) “Who understands Rosenberg’s dissent in **Nash v. New Jersey**?” (PB)*

*— Кто понимает особое мнение Розенберга **по делу** “Нэши против Нью-Джерси?”*

Названия дел в американской судебной практике обычно состоят из фамилии человека, который является обвиняемым по делу, и названия штата. В системе судопроизводства РФ дела обозначаются номерами. Переводчик

использует прием добавления, чтобы обеспечить полное понимание смысла фразы и не допустить искажения.

2.1.6. Опускание

Прием опущения характеризуется отказом от включения в перевод семантически избыточных языковых единиц, значения которых могут быть легко восстановлены в контексте. Рассмотрим, как опущение используется в анализируемом материале. Обратимся к примеру из романа *A Time to Kill*:

(33) *“Gentlemen, are you ready? Good. As you know this is a capital case, so each of you have twelve preemptory challenges.” (Time)*

*Вы готовы, джентльмены? Отлично. Вы не хуже меня знаете, что в делах об умышленных убийствах и обвинение, и защита имеют **одинаковые права на отвод кандидатур** - по двенадцать каждая сторона.*

В английском, американском и австралийском праве существует процедура отвода (“*challenge*”), которая предоставляет адвокату и прокурору возможность отклонить кандидатуры некоторых потенциальных членов суда присяжных. Как правило, защита и обвинение дают отвод присяжному заседателю, если существуют веские причины, по которым этот человек не сможет вынести справедливый вердикт (например по причине своих личных убеждений). В таком случае отвод будет рассмотрен судьей и может быть отклонен. Однако “*preemptory challenge*”, о котором говорится в рассматриваемом фрагменте, предполагает отвод присяжных без какой-либо причины. Считается, что если обе стороны внесли свой вклад в формирование суда присяжных, они посчитают его вердикт более справедливым. Более того, отвод без указания причины позволяет избавиться от потенциально предвзятых присяжных, способствуя честному судебному разбирательству. Переводчик опускает информацию о характере отвода, однако данное опущение не искажает смысл высказывания. Тем не менее, отметим, что более

точным переводом словосочетания «peremptory challenge», на наш взгляд, является «отвод без указания причины».

Рассмотрим следующий пример:

(34) "*Doctor, you are familiar with the M'Naghten Rule as a test for criminal responsibility?*" (Time)

"*Certainly.*"

- *Доктор, вам знакомо правило М. Нотена?*

- *Конечно.*

Перед нами пример неудачного использования приема опущения при переводе реалий правовой системы США. Правило М. Нотена – это тест на вменяемость, используемый в уголовных разбирательствах. Скорее всего, многие российские читатели не знакомы с данным правилом. Заметим, что в тексте оригинала присутствует пояснение, вероятно, с данным правилом не знакомы и американские читатели. Остается неясным, почему переводчик опускает уточнение при переводе.

2.1.7. Антонимический перевод

Одной из наиболее редко встречающихся в анализируемом материале переводческих трансформаций является антонимический перевод. Данная лексико-грамматическая трансформация зачастую направлена на придание тексту на языке перевода естественного характера. Антонимический перевод сопровождается заменой лексической единицы исходного языка на единицу языка перевода с противоположным значением:

(35) "*We're trying, Your Honor. I remind my client every day.*" (Rainmaker)

— *Мы прикладываем все усилия, ваша честь. И дня не проходит, чтобы я не напомнил об этом своему клиенту.*

Отметим, что двойное отрицание, использованное переводчиком, несет за собой эмфатическую нагрузку и придает высказыванию эмоциональную окраску.

Антонимический перевод осуществляется при помощи двойного отрицания и в следующем примере:

(36) *"Good question, **always ask** that question because if they have prior records we may need to indict them as habitual criminals," (Time)*

*Хороший вопрос, **никогда не забывайте задать его**, поскольку если обвиняемый уже привлекался к судебной ответственности, нам, вполне возможно, придется рассматривать его как рецидивиста.*

Обратимся к следующему примеру?

(37) *"Does your client have computers?" (Rainmaker)*

Неужели у вашего клиента нет компьютеров?

Прямой вопрос в оригинальной реплике открывается при помощи вопросительного наречия *неужели* в переводе, которая выражает удивление, сомнение в возможности сказанного. Такая постановка вопроса и использование отрицания позволяет переводчику точно передать эмоции говорящего.

2.2. Грамматические трансформации

2.2.1. Грамматические замены

В первой главе исследования мы выяснили, что грамматическим заменам может подвергаться грамматическая категория, часть речи, член предложения, предложение определенного типа. Рассмотрим особенности грамматических замен в переводах судебных заседаний.

(38) *"And we object to this young man's **appearance** in this matter." (Rainmaker)*

*Мы также возражаем против того, чтобы в деле **участвовал** этот молодой человек.*

В данном примере переводчик использует грамматическую замену: отглагольное существительное *appearance*, которое в оригинальном предложении выполняет роль прямого дополнения, переводится при помощи глагола *участвовал*, которое, в свою очередь, выносится в придаточное изъяснительное в качестве сказуемого.

Переводчики прибегают к замене в случае, если та или иная грамматическая конструкция или часть речи отсутствует в русском языке. Рассмотрим несколько показательных примеров:

(39) *"Are you accusing me of **hiding documents**, Your Honor?" (Rainmaker)*

*Ваша честь, вы обвиняете меня в **сокрытии** документов?*

В оригинальном предложении использован герундиальный оборот, конструкция, которая отсутствует в русском языке. Наиболее распространенными являются следующие способы перевода герундия на русский язык: существительное, придаточное предложение с глаголом в личной форме, инфинитив и деепричастие. В данном примере герундий *hiding* передается при помощи отглагольного существительного *сокрытие*. Герундий, несомненно, очень часто ассоциируется с отглагольным существительным, однако в английском языке отглагольное существительное функционирует как самостоятельный вид и обладает целым набором отличительных характеристик. Подобная замена наблюдается и в следующем примере:

(40) *"Let me finish **questioning** the panel. The truth will come out."*
(Rainmaker)

*Позвольте мне продолжить **допрос** присяжных. Правда неизбежно выплывет наружу.*

В некоторых случаях герундий переводится инфинитивной формой глагола:

(41) "**Fast-tracking** is completely within my discretion." (Rainmaker)

— **Ускорить** слушание дела — в моей компетенции.

Интересно отметить, что при переводе герундия fast-tracking переводчик прибегает к грамматической замене иного рода в следующем примере:

(42) "Mr. Drummond, you have objected to the **fast-tracking** of this case. What's the problem?" (Rainmaker)

Мистер Драммонд, вы возражали против **процедуры скоростного прохождения** этого дела. Почему?

Заметим, что английский язык отличается большим, по сравнению с русским языком, количеством и частым использованием конструкций с инфинитивами, причастиями и герундиями (неличными формами глагола). Зачастую переводчики переводят подобные конструкции, преобразовывая их в придаточные предложения, что приводит к образованию более объемных, длинных предложений. Рассмотрим пример:

(43) "Maybe you can refile it in federal court, you know. Take it somewhere else. I just don't want it **clogging** up my docket." (Rainmaker)

Может быть, вам стоит подать его на слушание в федеральный суд. Отдайте его еще куда-нибудь. Я не хочу, **чтобы оно захламляло мои ящики**.

В данном случае герундий *clogging* в оригинале передается при помощи придаточного изъяснительного, в котором значение герундия представлено в сказуемом *захламляло*.

2.2.2. Изменение порядка слов (инверсия)

Прием инверсии заключается в изменении положения слов, словосочетаний, членов или частей предложения. Как правило, данная

трансформация используется по причине того, что предложения в русском и английском языках имеют разное актуальное членение. Английский язык имеет фиксированный порядок слов в предложении: стандартный порядок членов выглядит следующим образом: подлежащее - сказуемое - дополнение - обстоятельство. Русский язык, в отличие от английского, отличается свободным порядком слов в предложении, т. е. тема и рема могут располагаться практически в любом порядке.

Рассмотрим пример:

(44) *"We talked to Pete Willard **this mornin' at the jail**. He signed a confession."* (Time)

Сегодня утром в тюрьме состоялась беседа с Питом Уиллардом. Он подписал признание.

Инверсия в данном примере заключается в следующем: обстоятельство времени (*this morning*) и обстоятельство места (*at the jail*), которые в английском предложении стоят в конце после сказуемого, дополнения и обстоятельства, выносятся вперед предложения. Как правило, в русском языке подлежащее стоит перед сказуемым. Обстоятельства места и времени могут стоять как перед сказуемым, так и после него. В случаях, когда смысловое ударение не делается на обстоятельство, оно ставится на первое место в предложении, после чего следует сказуемое, а за сказуемым – подлежащее и дополнение. В следующем примере обстоятельство *next week* также выносится на первое место:

(45) *"No sir. We take the oath **next week**."* (Rainmaker)

— Нет, сэр. *На следующей неделе* я присягаю на церемонии вручения лицензий.

Итак, при переводе на русский язык переводчики часто прибегают к инверсии, чтобы текст соответствовал синтаксическим нормам русского языка.

При переводе также встречается инверсия главной и придаточной частей сложного предложения, например:

(46) *“Defendants will remain in the custody of the sheriff **until they are able to make bail**. Court's adjourned.” (Time)*

До того дня, пока обвиняемые не будут в состоянии выплатить назначенный залог, они останутся под стражей в городской тюрьме. Слушание закончено.

В переводе придаточное времени выносится на первое место перед главным предложением, в отличие от оригинала.

(47) *“**Then I cannot agree on a continuance if my client will remain in custody.**” (Client)*

Если мой клиент останется под стражей, я не могу согласиться на отсрочку слушания.

В оригинальной реплике примера 47 уже использована инверсия – главная часть выносится вперед перед обстоятельственным придаточным условия. Переводчик, в свою очередь, использует более типичную схему построения такого сложного предложения.

Итак, в связи с различием в порядке слов и его функциональных особенностей в английском и русском языках переводчикам приходится довольно часто прибегать к инверсии, обусловленной различиями в актуальном членении предложения.

2.2.3. Парцелляция предложений

Данная трансформация заключается в замене сложного предложения несколькими отдельными предложениями в тексте перевода. Как правило, такая замена осуществляется по стилистическим, семантическим или структурным причинам. Обратимся к примерам:

(48) *"He found the girl's mother, who made the call. Then drove around searchin' for the girl."* (Time)

Он встретился с матерью девочки. Это она звонила. А до звонка она на машине объездила в поисках дочери прилегающие кварталы.

В рассматриваемом примере сложноподчиненное предложение с придаточным определительным делится на два простых предложения. Введение простого предложения с указательным местоимением «это» позволяет переводчику выделить информационно важный элемент в выражении свидетеля. В данном случае парцелляция также позволяет переводчику подчеркнуть последовательность действий.

(49) *"Your Honor, for the record, I show myself as associated counsel for Mr. Bernard for purposes of this hearing and for no other purpose."* (Time)

Ваша честь, прошу занести в протокол. Являясь членом ассоциации юристов округа Форд, я готов подтвердить, что мистер Бернارد прибыл сюда только с целью участия в слушании, и ни с какой другой.

В данном примере переводчик выносит в отдельное предложение уточнение адвоката *for the record* и начинает новое предложение с деепричастного оборота. Заметим, что парцелляция в данном случае привела к созданию довольно объемной синтаксической конструкции, не характерной для устной речи даже в условиях официального судебного заседания.

(50) *"Well, Your Honor, in that case, I would like to request a bail hearing a few days from now, in the hopes that her condition improves."* (Time)

В таком случае, ваша честь, я буду настаивать на проведении слушания по поводу освобождения обвиняемых под залог до суда. Скажем, через несколько дней, когда, будем надеяться, девочке станет лучше.

Перед нами пример использования нескольких трансформаций. Обстоятельство условия *in that case* выносится на первое место в предложении в связи с инверсией. Парцелляция сложного предложения в данном случае позволяет переводчику передать разговорный стиль речи.

2.2.4. Интеграция предложений

Интеграция или объединение предложений – это переводческая трансформация, при которой синтаксическая структура оригинала преобразуется путем объединения двух простых предложений в одно сложное, например:

(51) Thank you, ladies and gentlemen. Now we will continue with Dr. Milton Fricke.” (RJ)

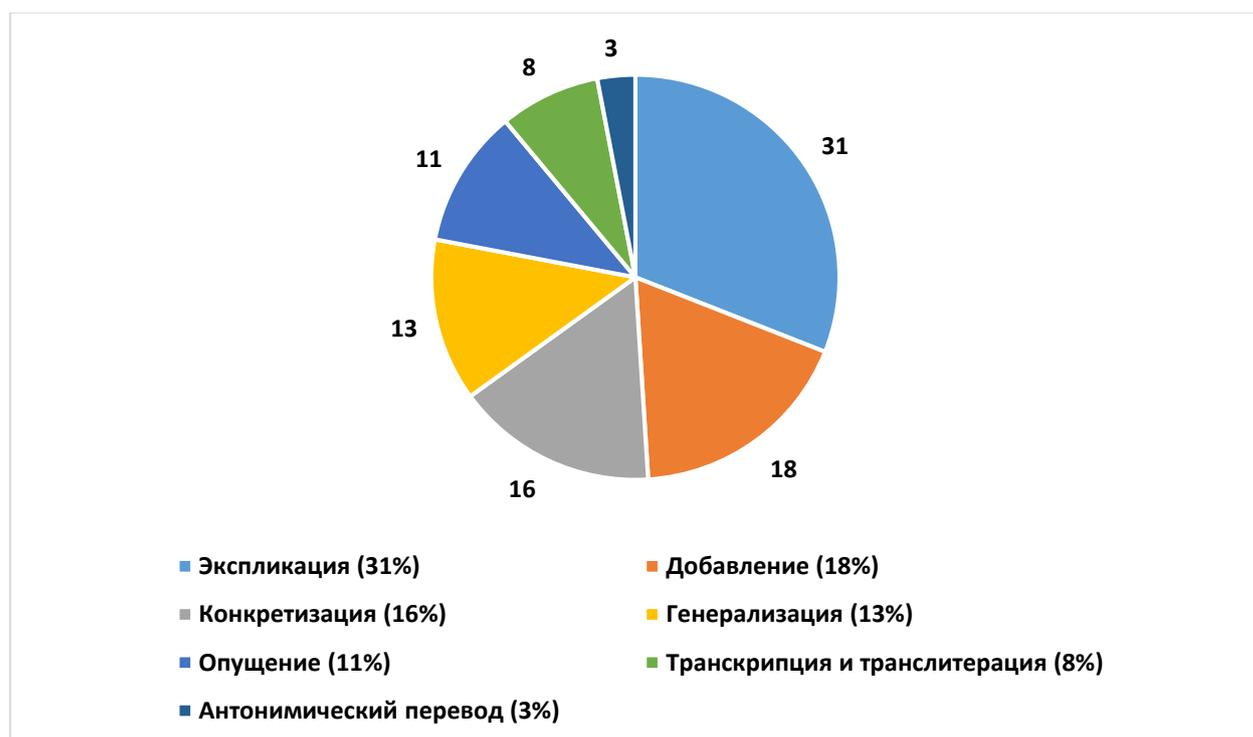
— Итак, дамы и господа, вернемся к показаниям доктора Милтона Фрике.

Выводы по Главе 2

1. Проведенный анализ материала показал, что при переводе эпизодов судебных заседаний с английского на русский переводчики прибегают к таким лексическим и лексико-грамматическим переводческим трансформациям, как описательный перевод, транскрипция и транслитерация, генерализация и конкретизация, добавление и опущение, антонимический перевод. Переводчики также используют грамматические трансформации (грамматические замены, изменение порядка слов, парцелляцию и интеграцию предложений).
2. Среди всех трансформаций наиболее часто переводчиками используется экспликация. Данная особенность объясняется наличием множества различий между российской и англосаксонской правовыми системами. Термины, широко используемые в правовой системе США, зачастую не имеют эквивалентов в русском языке, поэтому использование описательного перевода позволяет в полной мере передать смысл высказывания и адаптировать его к культуре языка перевода.
3. Вторыми по частоте использования являются приемы добавления и конкретизации, третьими – приемы генерализации и опущения. В наименьшей степени переводчики используют приемы транскрипции и транслитерации, а также антонимического перевода.
4. Проведенный анализ также позволяет сделать вывод о том, что применение данных переводческих трансформаций не всегда позволяет переводчикам достичь адекватности перевода. Например, приемы транскрипции и транслитерации не всегда являются эффективными и представляются необоснованными в случаях, когда в русском языке присутствуют устоявшиеся эквиваленты переводимых терминов. В исследовании также была предпринята попытка представления более адекватных вариантов перевода фрагментов, в которых переводческие трансформации были использованы неудачно.

5. В исследовании также уделяется внимание грамматическим трансформациям, поскольку они играют важную роль в достижении эквивалентности и применяются переводчиками в сочетании с лексическими трансформациями. В целом использование грамматических трансформаций обусловлено формальными различиями строя английского и русского языков и не является частотным.
6. Основные количественные данные о результатах исследования, проведенного во второй главе, содержатся в следующей таблице и диаграмме.

Прием	%
Экспликация	31
Добавление	18
Конкретизация	16
Генерализация	13
Опущение	11
Транскрипция и транслитерация	8
Антонимический перевод	3

Заключение

Первая часть настоящего исследования была посвящена теоретическим основам перевода судебных заседаний. В рамках проведенного исследования было рассмотрено понятие дискурса в современной лингвистике, а также были определены характерные особенности судебного дискурса. Под дискурсом понимается актуально произнесенный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами, письменный или речевой продукт коммуникативного действия. Судебный дискурс – это институциональный подтип юридического дискурса, реализуемый в рамках коммуникативных ситуаций судебного заседания и характеризуемый коммуникативной неоднородностью и стереотипностью, предписываемой процессуальными нормами.

Далее в исследовании были рассмотрены характерные особенности судебного заседания как жанра судебного дискурса, выявлены разновидности судебной речи, описаны ее лексические, грамматические и стилистические характеристики. В систему лексических единиц судебной речи входят все виды лексики права. Другой особенностью судебной речи является постоянное использование клише. С точки зрения композиционной организации судебные тексты, сохраняя строгую структурированность, отличаются высокой логичностью, характерной также для научного стиля изложения. Стилистическими особенностями судебного заседания являются диалогичность и смешение различных стилей речи.

Особое внимание уделяется аспектам теории перевода, необходимым для последующего анализа, представленного во второй главе исследования. Под переводческими трансформациями понимаются приемы, которые переводчик использует для преодоления типичных трудностей в процессе работы над текстом. В зависимости от характера преобразований переводческие трансформации подразделяются на лексические (напр.

конкретизация, генерализация и модуляция), грамматические (напр. парцелляция, интеграция и грамматические субституции), и лексико-грамматические (например антонимический перевод, описательный перевод и прием компенсации). В работе также рассматриваются различные модели перевода, а также понятия адекватности и эквивалентности перевода. Адекватный перевод – перевод, который соответствует коммуникативной ситуации. «Эквивалентность» относится к результату перевода и означает функциональное соответствие текста перевода тексту оригинала.

Вторая часть настоящего исследования посвящена описанию и анализу лексических, лексико-грамматических и грамматических трансформаций. Были представлены примеры таких лексических и лексико-грамматических трансформаций, как экспликация, транскрипция и транслитерация, конкретизация, генерализация, добавление, опущение и антонимический перевод, а также некоторых грамматических трансформаций (замены, изменение порядка слов, парцелляция и интеграция предложений).

Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что применение данных переводческих трансформаций не всегда позволяет переводчикам достичь адекватности перевода. В некоторых случаях некорректный перевод приводит к искажению смысла, отсутствию нужного прагматического эффекта и другим переводческим неточностям. В связи с этим в исследовании была предпринята попытка представления более адекватных вариантов перевода. Тем не менее, в большинстве случаев переводчикам удается адекватно передать исходное сообщение высказывания и сохранить прагматический эффект при помощи переводческих трансформаций.

Библиография

1. *Андрющенко С. В.* Коммуникативно-прагматическая структура высказываний в судебном диалоге (на материале английского языка). Автореферат дис. канд. филол. наук. - Армавир, 2005.
2. *Арутюнова Н. Д.* Дискурс. Лингвистический энциклопедический словарь. [Электронный ресурс] // URL <http://lingvisticheskiy-slovar.ru/description/diskurs/168>.
3. *Баранов А. Н., Добровольский Д. О.,* Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. М., 2003. -642 с
4. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод. М., 1975
5. *Бачалиашивили О.В.* Некоторые стилистические особенности судебного дискурса // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 1, № 3. С. 116-123.
6. *Булахтина Н. А.* Институциональные характеристики судебного дискурса (на материале английского языка) Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 1(22) 32- 34
7. *Введенская Л.А.* Риторика для юристов : [учебное пособие] / Л.А. Введенская.– Ростов- на-Д. : Изд-во «Феникс», 2002. – 576 с
8. *Данилова С. А.* Типология дискурса. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. С. 345-349.
9. *Дейк Т. А., ван.* К определению дискурса / Перевод с английского А. Дерябина (отрывок из книги Teun Van Dijk. Ideology: A Multidisciplinary Approach. London: Sage, 1998.)
10. *Доу Кэюнь* Юридическая лексика в судебной речи Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского Серия «Филология. Социальные коммуникации» Том 25 (64) № 1. Часть №2. С.27-30.

11. *Иванов В. М. Лемешко Ю. Р.* Процедура судебного заседания как перформанс. ГЛАГОЛЬ ПРАВОСУДИЯ Номер: 2 (20) Год: 2019
Страницы: 59-62
12. *Казакова Т. А.* Теория перевода (лингвистические аспекты) // URL — http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/kazakova.shtml
13. *Карасик В. И.* О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000.
14. *Кашкин В. Б.* Дискурс. Учебное пособие. Воронеж, 2004.
15. *Клюев Е. В.* Риторика. Инвенция. Диспозиция. Элокуция. М.: ПРИОР, 2001. -318 с.
16. *Клюев Ю. В.* Политический дискурс в массовой коммуникации: анализ публичного политического взаимодействия. Directmedia, 2016.
17. *Кожмякин Е. А.* Юридический дискурс как культурный феномен: структура и смыслообразование // Юрислингвистика 2011
18. *Комиссаров В. Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты). - М. : Высшая школа, 1990. - 253 с.
19. *Комиссаров В. Н.* Современное переводоведение. Учебное пособие. – М.: ЭТС. – 2002.
20. *Крапивкина О. А., Непомилов Л. А.* Юридический дискурс: понятие, функции, свойства // Гуманитарные научные исследования. 2016. С 102 – 105
21. *Крапивкина О. А.* Лингвистический статус субъекта в юридическом дискурсе (на материале английского и русского языков): автореф. дис... канд. филол. наук / О.А. Крапивкина. – Иркутск, 2011. – 20 с.
22. *Николаева Т. Н.* Краткий словарь терминов лингвистики текста. М.,1978.
23. *Палашевская И. В.* Нарративная организация судебного дискурса // Инициативы XXI века. М., 2012. №3. – С. 155 – 159.
24. *Палашевская И. В.* Судебный дискурс: функции, структура, нарративность. Волгоград: Парадигма, 2012. 346 с

25. *Палашевская И. В.* Функции юридического дискурса и действия его участников // Изв. Самар. науч. центра Российской академии наук. 2010. № 5 (2) (37). Т. 12. - С. 535-540.
26. *Попова Е. В.* Природа судебного дискурса // Вестник Оренбургского государственного университета. 2016. С 24-29.
27. *Рецкер Я. И.* Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода/ Дополнения и комментарии Д.И. Ермоловича. – 4-е изд., стереотип. – М.: «Р. Валетн», 2010. — 244 с
28. *Устинова К. А.* Институциональные признаки судебного дискурса Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). С. 125–127.
29. *Хижняк С. П.* Юридическая терминология формирование и состав / С.П. Хижняк. – Саратов : Изд. Саратовского ун-та, 2007. – 136 с.
30. *Чернявская В. Е.* Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: ФЛИНТА, 2012. – 128 с.
31. *Шадрин В. И.* Университетское переводоведение: учебник/ В. И. Шадрин. – СПб.: ВВМ, 2017. – 292 с.
32. *Швейцер А. Д.* Перевод и лингвистика. М., 1973
33. *Швейцер А. Д.* Теория перевода: статус, проблемы, аспекты М.: Наука, 1988. — 215 с.
34. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. – М., 2004
35. *Atkinson J., Drew P.* Order in Court: The Organisation of Verbal Interaction in Judicial Settings. London: Macmillan, 1979.
36. *Berk-Seligson S.* The Bilingual Courtroom: Court Interpreters in the Judicial Process. Second Edition. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2017.
37. *Bradford R.* Stylistics. London: Routledge, 2005.
38. *Cao D.* The Right to an Interpreter and the Right Interpreter. Translation Watch Quarterly, 2 (4): 7–29, 2006.

39. *Cao D.* Translating Law. Clevedon: Multilingual Matters, 2007.
40. *Cao D.* Translating Legal Language. In M. Coulthard, A. Johnson (Eds.), *The Routledge Handbook of Forensic Linguistics*, 2010.
41. *Conley J.M., O'Barr W.M.* Just Words: Law, Language and Power. Chicago: University of Chicago Press, 1998.
42. *Conley J.M., O'Barr W.M.* Rules versus Relationships: the Ethnography of Legal Discourse. Chicago, London: University of Chicago Press, 1990.
43. *Coulthard M., Johnson A.* *The Routledge Handbook of Forensic Linguistics*. Routledge, 2010.
44. *Holt E., Johnson A.* Socio-pragmatic Aspects of Legal Talk: Police Interviews and Trial Discourse. In Coulthard M., Johnson A. (Eds.), *The Routledge Handbook of Forensic Linguistics*. Routledge, 2010.
45. *Maley, Y.* Judicial Discourse: the Case of Legal Judgment, in J. E. Clark (ed.) *The Cultivated Australian*, Hamburg: Buske, 159–75, 1985.
46. *Mellinkoff D.* *The Language of the Law*. Boston, MA: Little Brown and Co, 1963.
47. *O'Barr W. M.* *Linguistic Evidence: Language, Power, and Strategy in the Courtroom*. New York: Academic, 1982.
48. *Smith S. A.* Cultural Clash: Anglo-American Case Law and German Civil Law in Translation, in Marshall Morris (ed.), *Translation and the Law*, Amsterdam, John Benjamins, 179–200, 1995
49. *Tiersma P.* Reforming the Language of Jury Instructions. *Hofstra Law Review*, 22- 37, 1993.
50. *Wagner A., Cheng L.* *Exploring Courtroom Discourse: the Language of Power and Control*. Ashgate Publishing Limited, 2011.

Список источников примеров и условные обозначения

1. *Grisham J. A Time to Kill. Cresset Editions, 2000. (Time)*
2. *Grisham J. The Runaway Jury. Doubleday, 1996. (RJ)*
3. *Grisham J. The Chamber. Doubleday, 1994. (Chamber)*
4. *Grisham J. The Rainmaker. Island Books, 1996. (Rainmaker)*
5. *Grisham J. The Last Juror. Doubleday, 2004. (LJ)*
6. *Grisham J. The Client. Cresset Editions, 1999. (Client)*
7. *Grisham J. Pelican Brief. Arrow, 1999. (PB)*
8. *Гришэм Дж. Пора убивать. Перевод: Кирьяк Ю. Г. АСТ, 2015 г.*
9. *Гришэм Дж. Вердикт. Перевод: Доронина И. Я. АСТ, 2017 г.*
10. *Гришэм Дж. Камера. Перевод: Кирьяк Ю. Г. АСТ, 2014 г.*
11. *Гришэм Дж. Золотой дождь. Перевод: Кирьяк Ю. Г. АСТ, 2014 г.*
12. *Гришэм Дж. Последний присяжный. Перевод: Доронина И.Я. АСТ, 2018 г.*
13. *Гришэм Дж. Клиент. Перевод: Матц Т. П. АСТ, 2017 г.*
14. *Гришэм Дж. Дело о пеликанах. Перевод: Пурескин В. АСТ, 2014 г.*